

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Историософия славянофилов и Ф.И. Тютчева в исследованиях американских учёных: на примере Л.Гринфельд, А.Л. Янова и С.Волкова.

Павлов Вячеслав Викторович

Соискатель

МГУ - Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

Философский факультет, Москва, Россия

E-mail: lava1619@rambler.ru

Для исследователя русской философии важно не только быть приобщённым к отечественной научной традиции, но и быть знакомым с зарубежными оценками и интерпретациями. Огромное место в современном мире занимает литература на английском языке, большая часть которой либо рождается на свет в США, либо ориентирована на американского читателя. Нам представляется интересным сопоставить взгляды ряда учёных, особенностью которых является принадлежность к российской/советской культуре, и, одновременно, погружённость в интеллектуальную атмосферу главной страны англоязычного мира. Лия Гринфельд, Александр Львович Янов и Соломон Волков эмигрировали из СССР ещё в 70-е годы. Проведя часть жизни на Ближнем Востоке, они состоялись как вполне американские исследователи. При всех индивидуальных различиях этих авторов объединяет особый взгляд на мир (отсутствующий и у российских, и у американских исследователей), позволяющий со стороны взглянуть на ментальные различия России и США. Также все трое выбранных нами автора не ограничивают себя рамками одной дисциплины, а обладают достаточно широкой эрудицией в разных отраслях гуманитарного знания. Например, Л.Гринфельд – социолог и политолог, А.Л. Янов – историк и политолог, С.Волков – автор признанных работ по истории музыки, литературы, живописи и кино. Кроме этого, все названные авторы уделяют внимание проблемам «Общество и Власть», «Культура и Власть». Работы Л.Гринфельд, А.Л. Янова и С.Волкова заметно выделяются на общем фоне англоязычных работ неординарностью подхода и искренностью (по преимуществу) своих текстов. При том, что все эти российско-американские исследователи регулярно переиздаются в России, однако, насколько нам известно, ещё никто не пытался проанализировать их общие черты в отношении к русской философии. Этот пробел мы и попытаемся восполнить.

Концепция русской культуры Лии Гринфельд была детально проанализирована нами в 2013 году. Не будем повторяться, а лишь предложим тем, кто заинтересуется её творчеством, посмотреть архив тезисов за прошлый год. Сейчас же ограничимся лишь общими чертами. Лия Гринфельд, взяв за основу идеи Ницше и М.Вебера, сформулировала оригинальную концепцию развития национально-культурной идентичности во Франции, Германии и России. Идеи славянофилов и Ф.И. Тютчева о месте России в мире вполне укладываются в рамки концепции Л.Гринфельд. С её точки зрения, эти идеи были психологической реакцией российской интеллектуальной элиты на заметное отставание России от Запада. Пытаясь обосновать превосходство Православной монархии над протестантско-католической Европой, русские мыслители прежде всего реагировали на образ значимого Другого – образ Запада, как локомотива модернизации.

Для научного стиля Л.Гринфельд характерен ряд особенностей. Во-первых, несмотря на то, что русский язык является для неё родным (Л.Гринфельд родилась во Влади-

востоке, а школу закончила в Краснодарском крае), в своей монографии «Nationalism: Five Roads to Modernity» она ограничилась лишь англоязычными источниками, что как минимум странно. Во-вторых, тексты Л.Гринфельд более чем критичны (а местами даже ядовито-ехидны) по отношению к национальным символам русской, немецкой и французской культур и, одновременно, приторно-слащавы, когда речь идёт об истории Британии и США. В отношении России можно встретить более чем дикие утверждения о том, что приход к власти Елизаветы Петровны в 1741-м году сопровождался геноцидом всех немцев-жителей Петербурга (с.225). Другим примером мифотворчества Л.Гринфельд может быть утверждение, что в начале XX века «более половины московских детей в возрасте 8-11 лет не знали, что они живут в Москве, пятая часть детей, выросших в сельской местности, не знали своих имён (именно имён, а не фамилий или отчеств – В.П.). . . если удавалось, они пили водку» (с.467). В-третьих, Л.Гринфельд известна своим сотрудничеством с внешнеполитическими структурами США и регулярно публикует свои экспертные оценки в англо- и русскоязычной прессе. Ну и в четвёртых, несмотря на множество мелких недочётов, научная концепция Л.Гринфельд оригинальна и вполне соответствует сути споров западников и славянофилов о месте России в Европе. Также эта концепция отражает принятое в США восприятие русской философии. В сравнении с такими авторами А.Л. Янов и Соломон Волков, Л.Гринфельд – наиболее американизированный исследователь, почти утративший следы советской ментальности, но вполне вписанный в интеллектуальный истеблишмент англоязычного мира.

Александр Львович Янов покинул пределы Советского Союза уже вполне сформировавшейся личностью, имея за плечами историческое образование и опыт журналистской работы. Не будучи явным диссидентом, он, всё же, заметно отклонялся от официальной линии партии в оценках русской истории и советской современности. Уже после репатриации А.Л. Янов сформулировал оригинальную концепцию русской истории, представляющую собой как бы компромиссный вариант между позициями сторонников европейской идентичности России и приверженцев цивилизационной самобытности нашей страны. По мнению советско-американского историка, Московская Русь начиная с Ивана III и до настоящего момента включала в себя две конкурирующие традиции – европейскую и антиевропейскую, которые поочерёдно брали верх и определяли политическое лицо страны. Обе традиции были исконно русскими. Причём, европейская шла ещё со времён Киевской Руси, а антиевропейская – имела корни в татаро-монгольском иге. Именно укоренённость обеих традиций в русской культуре предопределяла их непримиримость друг к другу и вводила в заблуждение сторонних наблюдателей, которые то считали Россию частью западной цивилизации, то, наоборот, воспринимали её как азиатскую деспотию, прикрывающуюся европейским культурным камуфляжем. С точки зрения А.Л. Янова, Иван III, Пётр I, Александр II и Горбачёв – это российские европейцы, а Иван Грозный, Николай I, Александр III и Сталин – представители антиевропейской традиции. Точно так же и в сфере культуры: князь А.Курбский, А.И. Герцен, В.О. Ключевский и В.М. Соловьёв – типичные русские европейцы, а протопоп Аввакум, поэт Ф.И. Тютчев, дипломат К.Леонтьев и философ А.Г. Дугин – типичные русские почвенники, не приемлющие путь Запада.

Работы А.Л. Янова с 1970-х по 2000-е неоднократно издавались и переиздавались в Израиле, США, Италии, Японии и России. За 40 лет научно-публицистической дея-

тельности А.Л. Янов опубликовал порядка 800 статей и 19 книг на 4 языках. С 1975 года преподавал русскую историю и политические науки в университетах Беркли, Энн-Арбора и Нью-Йорка. Внимательное прочтение многостраничной трилогии «Россия и Европа: 1462-1921» оставляет смешанное впечатление. Очевидно, концепция А.Л. Янова возникла ещё в конце 1960-х годов в СССР, когда он, как историк, сравнивал правление Ивана Грозного и Сталина или Алексея Михайловича, Николая I и Брежнева и находил удивительное сходство, несмотря на разницу эпох, экономических систем и политических идеологий. Вызванная этим сходством догадка постепенно перерождала в твёрдое убеждение, что в России в течение столетий по сути мало что меняется. Но в то же время, будучи воспитанным в духе марксистского европеизма А.Л. Янов искал и находил следы противоположной тенденции, к представителям которой он относил себя. Характерно, что данный автор в качестве своих учителей называет В.О. Ключевского и Вл.Соловьёва. Оказавшись на Западе, А.Л. Янов опубликовал ряд работ, где обосновывал свою концепцию. При этом мотивом было как стремление поделиться своим инсайтом с научной общественностью, так и стремление найти свою нишу в сообществе западных советологов, конвертировать профессиональные знания и личные впечатления в нечто, востребованное американской публикой. Так же как и Л.Гринфельд, А.Л. Янов не является независимым автором, вольно или невольно, но он подстраивает свои тексты под нужды внешней политики США. Достоинством американского историка советского происхождения можно назвать широкий исторический охват, склонность к смелым сопоставлениям и стремление найти скрытый смысл в общеизвестных фактах прошлого. К недостаткам – неразборчивость в подборе источников, многочисленные натяжки и передёргивания, болезненное восприятие критики, оторванность от достижений российской науки последних тридцати лет и склонность к использованию советских идеологов 70-х годов. Вполне доброжелательно настроенный по отношению к А.Л. Янову российский историк И.Я. Данилевский в своей рецензии отметил, что революционное для российских учёных исследование Милова «Великорусский пахарь», посвящённое формированию крепостного права в России прошло для рассматриваемого нами публициста абсолютно незамеченным, как и многие другие фундаментальные публикации по истории российской государственности. А.Л. Янов и для российской и для американской гуманитарной науки является маргиналом, но, тем не менее, знакомство с его работами будет полезно для историков русской философии и общественно-политической мысли.

Соломон Волков – наиболее независимый и наиболее вписанный в контекст российской культуры автор, из рассматриваемых трёх. Получив высшее музыкальное образование, он в дальнейшем специализировался как искусствовед и культуролог. Общался с известными представителями советской творческой интеллигенции: поэтами и писателями, режиссёрами и актёрами, музыкантами и художниками. В числе его собеседников были Анна Ахматова и Виктор Шкловский, Иосиф Бродский и Мстислав Ростропович, Владимир Высоцкий и Андрей Тарковский, Юрий Любимов и Лев Лосев, Юрий Мамлеев и Эдуард Лимонов. После переезда в США С.Волков опубликовал на русском и английском языках такие работы как «История Санкт-Петербурга», «История русской культуры в царствование Романовых: 1613-1917», «Шостакович и Сталин» и «История русской культуры XX века: от Льва Толстого до Александра Солженицына».

Для нас С.Волков интересен тем, что рассматривает тех или иных авторов в кон-

тексте трёхсотлетней истории российской государственности, учитывает политический аспект их творчества и выходит за рамки узкоспециального подхода, присущего большинству исследователей. Например, тему «Николай I и интеллигенция» С.Волков исследует на примере литературы (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь и Ф.И. Тютчев), музыки (Ф.И. Глинка), живописи (К.И. Брюлов). Также Соломон Волков даёт возможность русскоязычному читателю приобщиться к принятым в англоязычной литературе оценкам, а англоязычному – к принятым в советской и российской науке трактовкам. Подобный подход объективно работает на сближение и взаимное обогащение культур. Конечно, на тексты С.Волкова накладывает отпечаток и приобщённость к субкультуре советских эмигрантов, жителей США, и ориентация, прежде всего, на американского читателя. Однако, способность увидеть нечто общее в казалось бы разных фактах, стремление к объективности, готовность встать на точку зрения того или иного деятеля культуры – всё это делает книги данного культуролога полезными для любого российского гуманитария.

Николай I, в трактовке Соломона Волкова, прежде всего основатель российской государственной идеологии. Концепция «Самодержавие, православие, народность» в изменённом виде существовала в СССР. Несмотря на некий либеральный камуфляж, существует она и в современной России. Этот тезис сближает С.Волкова с А.Яновым. Однако оценки личности Николая I у данных авторов прямо противоположны. А.Л. Янов подвергает преемника Александра I жёсткой критике за стремление к великодержавию и к изоляции от Запада. Для А.Л. Янова Николай Павлович, вполне в духе советских трактовок, прежде всего душитель свободы, а декабристы – либеральные западники. Каких-то иных оценок А.Л. Янов не приемлет. Соломон Волков иначе воспринимает этого императора. Он как бы ставит себя на место Николая I и анализирует возможные варианты его поведения. На самом деле пространства для манёвра было не так уж и много. Надо было одновременно показать готовность давить крамолу и при этом сотрудничать с интеллектуальной элитой общества. Славянофилы лавировали между официальной идеологией и неявной оппозицией власти, а Ф.И. Тютчев стремился реализовать свои идеи в условиях ограничений государственной службы. Для нас было небезынтересно узнать, что в 1853 году великий поэт даже совершил секретную поездку в Париж для обеспечения внешнеполитических интересов России.

Литература

1. Литература.
2. 1. Волков С. История русской культуры в царствование Романовых: 1613-1917. – М.: Эксмо, 2011.
3. 2. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. – М.: Пер СЭ, 2008.
4. 3. Зарубежное россиеведение: уч. пос./ под ред. А.Б. Безбородова. – М.: Проспект, 2013.
5. 4. Малинов А.В., Прохоренко А.В. Философия истории в России. – СПб.: Европейский дом, 2010.

6. 5. Пушкин С.Н., Шапошников Л.Е. Русская историософия: избранные школы и персоналии. – СПб.: Изд-во РХГА, 2014.
7. 6. Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. – М.: Academia, 2007.
8. 7. Цимбаев Н. Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX века. – М.: Изд-во ГПИИБ, 2013.
9. 8. Янковский Ю.З. Патриархально-дворянская утопия: Страница русской общественно-литературной мысли 1840-1850 годов. – М.: Худ. лит., 1981.
10. 9. Янов А.Л. Загадка николаевской России: 1825-1855. – М.: Новый хронограф, 2007.